

И. Г. Минералова,
профессор МПГУ,
доктор филологических наук

Образное воплощение Духа и Души в поэтическом наследии Николая Заболоцкого

Творчество величайшего поэта XX века Николая Заболоцкого пришлось на время, которое априори не могло ставить вопрос так, как он сформулирован в названии этой статьи. Однако это обстоятельство никак не отменяет того, что по существу все наследие поэта — доказательство неизменного его внимания к разрешению философских проблем, которые, например, серебряный век считал определяющими. Обычно говорится, что Заболоцкий достойный наследник Ломоносова и Тютчева, для которых натурфилософское и пантеистическое является едва ли не самым важным в мировоззренческой основе их поэзии.

В автобиографической прозе о детстве Н.Заболоцкий вспоминает между прочим мгновения, «потрясавшие» его, среди которых «...тихие всеночные в полутемной, мерцающей огоньками церкви располагали к задумчивости и сладкой грусти. Хор был отличный, и когда девичьи голоса пели «Слава в вышних Богу» или «Свете тихий», слезы подступали к горлу, и я по-мальчишески верил во что-то высшее и милосердное, что парит высоко над нами и, наверное, поможет мне добиться настоящего человеческого счастья» (2, 220). В письме от 11 ноября 1921 г. он пишет своему товарищу М.И. Касьянову: «Сегодня я вспомнил мое глубокое детство. Елку, рождество. Печка топится. Пар из дверей. Мальчишки в инее. «Можно прославить?» Лежал в постели и пел по себя:

Рождество Твое, Христе Боже наш...

У дверей стояли студентки и смеялись... (2, 228)

Но Н. Заболоцкий — художник уже совершенно другой эпохи, открывшей атом, периодическую систему элементов, в его мировоззренческом арсенале открытия Циолковского, Вернадского, Лосева, но он и достойный наследник культуры серебряного века: символистов, футуриста Хлебникова.

Совершенно очевидно, что ответом на все вопросы относительно мировидения поэта, оказывается индивидуальный стиль поэта, «лицо» которого, кажется, до странности не похоже на «лица» современников и даже соратников по литературной группе ОБЭРИУтов.

С другой стороны, сколько ни разъясняй Н. Заболоцкого, настоящее художественное «родство» его обнаруживается с прозаиком М.М. Пришвиным, увлеченным исследователем природы творчества и его смысла, с Д. Андреевым, чье творчество только сейчас мы начинаем постигать.

Так вот М.М. Пришвин в дневнике 25 августа 1928 г. пишет: «Творчество — это, по-первых, личный процесс, чисто «духовный», это процесс материализации духа-личности»². Так мыслит прозаик-поэт, вошедший в литературу на излете серебряного века, воспитанный ею, едва ли не острее других воспринявший идею синтеза, но понявший и воплотивший ее в своем творчестве уже «в ключе» наступавшей новой эстетической эры. Заболоцкий-поэт, как это ни покажется парадоксально, необычайно близок прозаику Пришвину. Свидетельство тому — письма Н. Заболоцкого К.Э. Циолковскому, в одном из которых (от 18 января 1932 г.) он пишет: «...мне кажется, что *искусство будущего так тесно сольется с наукой* (курсив мой — И.М.), что уже и теперь пришло для нас время узнать и полюбить лучших наших ученых — и Вас в первую очередь» (2, 235).

У Пришвина в только что процитированной дневниковой записи читаем: *«Я увлекаюсь теперь синтезом искусства и науки в деле познания жизни: наука строит берега для искусства... но ...я иногда думаю, что это является во мне за счет наивных остатков религии (детства)*, которые охраняю я с необычайной последовательностью и жестокостью к другим сторонам жизни... Нам надо овладеть творчеством науки и искусства для творчества жизни»³.

«Синтез» у Н. Заболоцкого явлен многопланово и в стихотворениях, «портретирующих» (Ю.И. Минералов) живописное, например, в стихотворениях «Офорт», «Движение», в доминантном живописном в стихотворениях «Свадьба», «Фокстрот», «Пекарня», «Самовар», «На даче», «Лесное озеро», «Соловей», «Слепой», др., о чем уже неоднократно писали исследователи, но этот синтез не ограничивается рамками живописи и поэзии, он, как и у символистов и их последователей⁴, и современников, имеет природу, на которую так точно указывает М.М. Пришвин: *«...это является во мне за счет наивных остатков религии (детства)»*. Эти самые «остатки» явлены не напрямую, а опосредованно, но настойчиво через всечасное обращение не чувству, «первобытной телесной эмоции», но к Духу, Разуму (а отнюдь не прагматичес-

кой рассудительности), с одной стороны, и Душе, душе, определения которой в пределах узкого позитивистского знания дать невозможно, но осмыслить и интуитивно «назвать» для поэта, творчество которого им самим осознается не как банальное сочинительство, а как деятельность, отзывающаяся в масштабах Космоса, необычайно важно.

Настанет день, и мой забвенный прах
Вернется в лоно зарослей и речек.
Заснет мой ум, но в квантовых мирах
Откроет крылья маленький кузнечик.
Над ним, пересекая небосвод,
Мельчайших звезд возникнут очертанья,
И он, расправив крылья, запоет
Свой первый гимн во славу мирозданья.

Довольствуюсь осколком бытия,
Он не поймет, что мир его чудесный
Построила живая мысль моя,
Мгновенно затвердевшая над бездной. (2, 43)

В этом стихотворении, без сомнения, угадывается и диалог с хлебниковским «Кузнечиком»: «Кузнечик в кузов пуза уложил/ Прибрежных много **трав и вер...**», или мандельштамовым «Среди кузнечиков беспамятуствует слово» и с собственными напряженными размышлениями о жизни, бессмертии и смерти: «Например, мне неясно, почему **моя жизнь возникает после смерти....**» — пишет он К.Э. Циолковскому, — «Бессмертна и все более блаженна лишь материя — тот таинственный материал, который мы никак не можем уловить в его окончательном и простейшем виде» (2, 237). И далее чрезвычайно важная мысль для понимания Н. Заболоцкого-поэта: «Все дело, очевидно, в том, **как** (курсив автора — И.М.) понимает (дух — И.М.) и чувствует (душа — И.М.) себя человек В отношении **людей и книг** мне всегда исключительно «везло».... Вот и теперь, благодаря Вашей исключительной внимательности, Ваши книги нашли меня» (2, 237).

М.М. Пришвин, практически на ту же самую тему записывает в своем дневнике: «В нынешнем году **такая книга у меня «Биосфера» Вернадского.** В ней говорится такое, о чем все мы, обладающие чувством природы и поэзии, знаем... Это знание состоит в том, что мы — дети солнца»⁵. И это последнее определение «дети солнца» несет в себе философскую полифоничность; одно из значений его понимается через известное всякому верующему «Я Свет миру», и через научно постигаемые **«квантовые миры»**. С другой стороны, само слово «дух» в творчестве Н. Заболоцкого синонимично слову «мысль».

Читая даже раннего Николая Заболоцкого, в слове которого так много от живого словесного экспериментаторства, понимаешь, что эпоха, с которой он вступает в житнетворчество и словотворчество, совершенно иная, чем у тех, кто вступал в литературу в полемические 10-е; у пред-

шественников — ощущение предапокалиптичности и апокалиптичности времени неизбежно и неотступно, у Заболоцкого — очевидное постапокалиптическое чувство и мировидение, более того, это ощущение **сотворения нового мира**, новой жизни, не в банально-социологическом плане, а именно в широком почти религиозном видении и ведении микрокосма и Макрокосма человеческого. Может быть, отсюда осознание со-звучности и со-графичности его поэзии с Анри Руссо или художников Возрождения. В сущности, сам Заболоцкий, кажется, в своем творчестве проживает путь от смуты и борений Апокалипсиса к радости открытия нового мира, нового строя жизни, Радости и даже Веселости Рождения, или другая параллель, тоже мыслимая для творческого его пути — от Возрождения к Просвещению, только в этом Просвещении Заболоцкого нет детского низвержения Основ, а есть вполне серьезное стремление постичь вовне и в себе пока что таинственное, но стоящее на пороге постижения и настойчиво требующее открытия, стремление постичь словом ли, мыслью ли, самой ли жизнью то, что было умонепостижимо в молодости: «почему **моя жизнь возникает после смерти....**» Естественнонаучные открытия, их вхождение в реальную жизнь мыслятся как Сотворение Мира в «Венчании плодами», как Рождение и умирание взаимопостигаемые и взаимно только и мыслимые:

Когда плоды Мичурин *создавал*,
Преобразуя древний круг растений,
Он был Адам, который *сознавал*
Себя отцом грядущих поколений.

Он был Адам и *первый садовод*,
Природы друг и мудрости *оплот*,
И прах его, *разрушенный годами*,
Теперь лежит, увенчанный *плодами*. (1, 178 —179)

В стихотворении «**Вчера, о смерти размышляя...**», как и во многих других, Н. Заболоцкий поэтическим словом пытается постичь это самое множество «почему», стоящих перед ним и неотступно требующих ответа, который оказывается на незримой и проницаемой границе, которая обозначена Жизнью и Смертью:

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее! (1, 195)

Объяснять художественный смысл этих строк — занятие неблагодарное, однако совершенно очевидно: определенная поэтом система координат осложнена соположениями Жизнь (плоти) — Смерть; Смерть — Бессмертие (духа, души). Не менее очевидно и то, что Н. Заболоцкий парафразирует известные поэтические сюжеты вполне оригинально и одновременно в духе своего (XX века) времени.

Обновление природного и предметного мира мыслится Н. Заболоцким и через риторический строй Откровения Иоанна Богослова: «И сказал Сидящий на престоле: вот, **Я все делаю новым**»⁶. Обновление мира мыслится и поэтом как абсолютное и всеохватное, бытийное, с одной стороны, и — простое, обыденное, даже банальное, возводимое в ранг сакральных событий:

«Платформы двух земных материков
Средь раскаленных лав затвердевали.
В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала свое большое **тело**
И **солнце**, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар **таинственно глядело**» (Урал. 1, 229).

или:

«Благо тем, **кто смятенную душу**
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта на сушу
Афродитою вышла она!»
(Стирка белья. 1957. 1, 328)

Даже следуя за Тютчевым, Н. Заболоцкий обнаруживает свою принадлежность к обновленной эпохе. У него нет конфликта, определенного как конфликт человеческого (одухотворенного) — и пошлого (бездушного): «Ах, если бы **живые крылья\ души**, парящей над толпой, / Ее спасали от насилья\ **Бессмертной пошлости** людской» (Ф.И. Тютчев). В мире лирического героя Н. Заболоцкого этот конфликт отсутствует, есть другая антиномия (живой, одушевленный, одухотворенный — мертвый, бездушный, бездуховный). Эта антиномия вводится не непосредственно в социум, человеческое общество мир человеческих взаимоотношений, а в природный мир (цветок — животное — человек), который един и не иерархичен («Меткнут знаки Зодиака»), — поэту открывается не некая абстрактная душа мира, а душа природы, душа цветка, дерева, птицы, животного.

«**Уступи мне, скворец, уголок**,
Посели меня в старом скворечнике,
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники»
(«Уступи мне, скворец, уголок» 1946 1, 212)

«**Читайте, деревья, стихи** Гезиода,
Дивись Оссиановым гимнам, рябина!» (1, 214)

«**Пусть душа, словно озеро, плещет...**»

Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился
.....

И **внял** я неба содроганье
И **горний** ангелов полет,
И **гад морских** подводный ход
И **дольной розы** прозябанье. (Пушкин)

«И нестерпимая **тоска разъединенья**
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все **услышал** я —
и трав вечерних **пенье**,
И **речь** воды, и камня мертвый **крик**.

(1936. 1,195)

В творчестве Н. Заболоцкого варьируется и воспринятое через А. С. Пушкина ветхозаветное, как в выше приведенном примере, и афористическое: «У Бога нет мертвых, у Бога все живы» (Откровение Иоанна Богослова). Но живая душа «проявляется» **лицом**. «Лицо» в его лирике зачастую синонимично «лику», может быть даже «образу». Например, памятное «**Лицо коня**» или «О красоте **человеческих лиц**»:

«Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот» (1, 297).

В стихотворении «Бетховен», например, Н. Заболоцкий создает образ музыканта-творца через образ Апокалипсиса («Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча, \ Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда»).

«И посреди престола и вокруг престола четыре животных полных глаз спереди и сзади. И первое животное подобно **льву**, и второе животное подобно **тельцу**, и третье животное имело **лицо** словно **человеческое**, и четвертое животное подобно **орлу** летящему» (Откровение Иоанна Богослова. 4; 6—7).

И **пред лицом** пространства мирового
Такую **мысль** вложил ты в этот крик,
Что **слово** с воплем вырвалось **из слова**
И стало **музыкой**, венчая **львиный лик**.

В рогах **быка** опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость **орла**,
И понял ты живую **прелесть** мира
И **отделил добро его от зла**.
И сквозь **покой** пространства мирового
До самых звезд прошел **девятым вал...**
Откройся **мысль!** Стань **музыкою, слово,**
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

(Бетховен 1, 211)

Это, как видим, не ницшеанское «Рождение трагедии из духа музыки»⁷, характерное для предшественников, это другая эпоха — рождения плоти музыки из духа времени.

Наступившее новое время осознавало себя временем победимым, в нем слышался голос, дававший надежду: «Я дал от источника воды

жизни даром. *Побеждающий наследует это*, и Я буду ему Богом, и он будет Мне сыном»⁸. Эта сыновья преемственность осознается художником Н.Заболоцким как сотворцом нового мира:

«Два мира есть у человека:
Один, который *нас творил*,
Другой, который *мы* от века
Творим по мере наших сил»

«*Душа в невидимом блуждала*,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она»

«Так, вероятно, *мысль нагая*,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души»

«На закате.1958»

Доминантная живописность поэзии Н. Заболоцкого имеет не только внешние художнические корни, она от глубинности его мировидения: «Светильник тела есть глаз. Итак, если глаз твой будет чист, то все тело твоё светло будет» (Матф. 6; 22)

«Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко.
.....
На что она глядит?....

А девочка глядит. И в этом *чистом взоре*
Отражен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И в *глубь души ее*, как *спутники живые*,
Вошли и этот дом, и сад, и лес»

(Детство. 1957)

В «Портрете»:

«Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со dna души моей мерцают
Ее прекрасные глаза. (1953)

По Н. Заболоцкому выходит, что чистота мира есть отражение чистоты нашего взгляда на него, чистота наших помыслов и чувств, впрочем, сами эти идеи созвучны идеям К.Э. Циолковского о нравственности космоса и соположены общезначимому духовно-нравственному началу в вере: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и

вдунул в лице его *дыхание жизни*, и стал человек *душею живую*»⁹.

Кажется, что М.М. Пришвин почти параллельно с Н. Заболоцким делает своеобразное лирико-философское открытие о том, что «... в природе только два времени года, отвечающих ритму моего собственного *дыхания*: планета, весь мир *дышит* совершенно так же, как я»¹⁰. Так мыслит и другой современник М.М. Пришвина и Н.А. Заболоцкого Д.Л. Андреев:

«Как радостно вот эту весть *вдохнуть* —
Что по мерцающему своду
Неповторимый уготован путь
Звезде, — цветку, — душе, — народу»¹¹

Для Н. Заболоцкого дыхание природы, мира, сообщающее всему, что в этом мире происходит, некий высший смысл, отражено в подавляющем большинстве стихотворений. Для того, чтобы это увидеть и понять, необходимо, видимо, принять ту систему координат, в которой мыслит и творит поэт.

В стихотворении «Ласточка» (1, 340) «*И душа моя касаткой \ В отдаленный край летит*» Н. Заболоцкий использует то символическое значение, которое берет начало в античности (Психея — душа — ласточка), укоренившееся в русской поэзии, и которое памятно по циклу «Психея» О. Мандельштама из книги «Tristia»: «Я слово позабыл, что я хотел сказать. \ Слепая ласточка в чертог теней вернется...» Процесс творчества у Мандельштама и Заболоцкого выписан диметрально противоположно: У Мандельштама трагедийно «с мученической доминантой» — у Заболоцкого «катарсисно».

В стихотворении «На закате» «Когда, измученный работой, *Огонь души моей* иссяк» (1958) огонь — свойство души. В «Некрасивой девочке»: «Сосуд она, в котором пустота/ Или *огонь, мерцающий в сосуде*». На сей раз и красота — синоним душевного огня, освещающего внутренний мир человека. В стихотворении «Облетают последние маки» душа — красавица:

«Как посмел ты *красавицу эту*,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?»

В стихотворении «Урал» душа как «жительница» сердца названа метонимически «по месту обитания»:

Что сердце? Сердце — воск. Когда ему *блеснет*
Огонь сочувственный, огонь родного края,
Растопится оно и, медленно сгорая,
Навстречу жизни *радостно плывет*. (1, 230)

И, может быть, исчерпывающая характеристика души дана Н. Заболоцким в стихотворении ««Не позволяй душе лениться». В нем саморе-

ализована опять же в духе новой эпохи древняя, как наша вера, мысль о «происхождении» человека как личности («вдунул в лице его дыхание жизни»). Метонимически, опять же «по душе» дается портрет человеческой судьбы, человеческой натуры, он выписан в диалоге с поэтической традицией:

«Пора, красавица, проснись, Открой сомкнуты негой взоры, Навстречу северной аворы Звездю севера явись» (Пушкин)	Не позволяй ей спать в постели При свете утренней звезды. Держи лентяйку в черном теле И не снимай с нее узды.
--	---

Размышляя о душе и бессмертии, поэт создает остросюжетные коллизии в поэтическом произведении, сжимая до размеров лирического стихотворения содержание повести или романа, как это происходит в стихотворении «Журавли», которое будет парафразировано позже В. Астафьевым в стихотворении в прозе в финале романа «Царь Рыба»:

*«Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:*

*Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе, —
Все, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе» (1, 243).*

Жизнеописание, роман из серии ЖЗЛ передан стихотворением «Седов», в котором подвиг, подвижничество объясняется силой духа, высокой духовностью и незаурядного человека и, может быть, целого поколения или нации:

*«.....В этом полумертвом теле
Еще жила великая душа...
.....
Отчизна воспитала нас и в тело
Живую душу вдунула навек» (1, 198).*

Этими же причинами объясняется и загадочная русская душа, умо-непостижимый иностранцами русский характер в «Смерти врача»:

*«Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел» (1, 313)*

В стихотворении «Завещание» (1, 239-240) Н.Заболоцкий расширяет в сравнении с поэтическими предшественниками «границы» своего бессмертия:

Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире Я не умру, мой друг.
Мой прах переживет и тленья убежит. *Дыханием цветов*
И славен буду я, доколь в подлунном мире Себя я в этом мире обнаружу.
Жив будет хоть *один пиит.* (Пушкин) Многовековой дуб

мою живую душу
Корнями обовьет,
печален и суров.

В конце концов, Творчество, Труд, Отвага являют в человеке отражение его высшего назначения и предназначения на Земле, его причастность к нравственности Космоса. Традиционную для поэзии тему творчества Н. Заболоцкий разрешает совершенно фантастическим сюжетом, формируя сложное философское содержание «пейзажного» стихотворения:

Все, что было *в душе*, все как будто опять потерялось,
И лежал я в траве, и печалью и скукой томим,
И прозрачное *тело* цветка надо мной поднималось,
И кузнечик, как маленький сторож, стоял перед ним.

И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
Где на первой странице растения виден чертеж.
И черна и мертва, протянулась *от книги к природе*
То ли *правда* цветка, то ли в нем заключенная *ложь*.

И цветов с удивленьем смотрел на свое *отраженье*
И как будто пытался *чужую премудрость* понять.
Трепетало в листьях непривычное *мысли движенье*,
То *усилие воли*, которое не передать.

И кузнечик трубу свою поднял, и природа проснулась,
И запела печальная тварь *славословье уму*,
И подобье цветка в старой книге моей встрепенулось
Так, что *сердце мое* шевельнулось навстречу ему.

1936

Для поэта, даже раздвинувшего пределы мысли, границы существования, истинным бессмертием остается воплощение духа, воли, души, сердечного участия в Слове¹²:

«Мы услышали бы *слова*.
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются, как пламя,
И в душу залетев, как в хижину *огонь*,
Убогое пространство *освещают*,
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем» (1, 86)

Открытия Н. Заболоцкого в образном воплощении Духа и Души состоят прежде всего в том, что, в отличие от многих собратьев по перу в 20-30-е годы, осознающих усугубляющийся «разрыв» живой природы и человека, цивилизации и природы, он настаивает на их глубинном духовно-душевном-телесном единстве, более того, он показывает, что это единство достигается «познанием», «постижением» мира природы, банально мыслимого как враждебного человеку, творческим постижением (будь оно научным или поэтическим). Сам поэт стремится к синтезу этого самого «познания», полагая, что поэтическим Словом он преобразует мир на новых разумно-высших нравственных основаниях.

С другой стороны, риторические формулы обращения к собственной душе интуитивно соотносимы с молитвенным обращением («Душе моя, восстани, что спиши») или с образно-синтаксическими формулами, присутствующими в строе церковной службы («славословье», «премудрость» или характерные императивы). Вообще введение этих слов в общий поэтический строй произведения расширяет семантические «границы», сообщает лирико-патетическое обыденному, каждодневному, возвышенно-бытийное, ахронное — бытовому, сиюминутному.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Заболоцкий Н.А. Избранные произведения в 2-х тт. М., 1972. Т. 1. С. 322. Далее ссылки на это издание даются в тексте: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.
- ² Пришвин М.М. Дневники. М., 1990. С.149.
- ³ Пришвин М.М. Дневники. Указ. изд. С. 149-150.
- ⁴ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма. М., 1999, М., 2003. С.5 и далее.
- ⁵ Пришвин М.М. Там же. С. 159.
- ⁶ Откровение Иоанна Богослова. 21; 5.
- ⁷ Минералова И.Г. Образ Скрипки в художественном претворении символистов, акмеистов, футуристов // Синтез в русской и мировой художественной культуре. М., 2002.
- ⁸ Откровение Иоанна Богослова. 21; 7.
- ⁹ Бытие. 2; 7.
- ¹⁰ Пришвин М.М. Там же. С.159.
- ¹¹ Андреев Д. Л. Русские боги. Стихотворения. Поэмы. М., 1989. С. 10.
- ¹² Евангелие от Иоанна (1; 1).